

Лев ДУРОВ

ЛИЧНО ГРАФ — И БЕЗ ОХРАНЫ

Выг. клуб. - 2000 - 15 мин. - 915.

Раздается телефонный звонок.

— Дуров? — спрашивают.

— Дуров, — говорю, — Дуров. Чего надо?

Мужик объясняет:

— Это звонят из «Совинфильма». С вами хочет встретиться Питер Устинов. Не могли бы вы...

И я перебиваю:

— У меня к вам предложение, «Совинфильм».

— Да? — заинтересовался дядька. — Какое же?

— Не пойти ли вам вместе с Питером Устиновым!.. — и уточняю куда.

А дядька не уступает и все настаивает. Я, значит, адресую еще длиннее. Слышу, он кому-то там говорит:

— Он посылает... Поговори ты с ним.

Трубку берет женщина. Ну я, конечно, опомнился.

— Простите, — говорю, — пожалуйста, я думал, это Ширвиндт или Никулин.

Она там упала сразу — она все вычислила, — и говорит:

— На самом деле вас хочет видеть Питер Устинов.

И я поехал на эту встречу, ничего не понимая, зачем и что. Хотя... Драматург Питер интересный, актер замечательный, и дядька, как мне было известно, хороший.

Значит, приезжаю. А этот Питер такой огромный, как баобаб, здоровый и бородачи на всю грудь. Он увидел меня и как заревет:

— Ле-е-ев!!!

И весь «Совинфильм» вздрогнул: мол, чего притворялся, что не знаком!

Тогда и я заорал:

— Пи-и-итер!!!

Кего пупку ухом прижался, орем! Все обалдели, думают — озверели совсем. Думают, откуда у Дурова такие связи с Англией? Кто-то смутился...

Ну, сели, чуть-чуть дали, и я спрашиваю:

— Чего тебе нужно, Питер?

По-простому его спрашиваю.

— Видишь ли, канадская телекомпания будет снимать по моей книжке многосерийную картину. У него тогда вышла книжка «Моя Россия».

— Слышал, — говорю, — о книжке, но не читал.

— Подарю.

И тогда я спрашиваю:

— А я при чем?

— Я, — говорит, — буду играть самого себя, Питера Устинова. А ты будешь Львом Толстым.

— Ты что, обалдел? — спрашиваю. — Какой из меня Лев Толстой? Погляди на меня получше.

— Нагляделся, — говорит. — Ты вылитый Толстой. Давай гримироваться.

Я и опомниться не успел, как гример уже взял меня в оборот. Мудрил он надо мной, мудрил, а когда закончил... нас всех разбил паралич! Меня первого. Поглядел я в зеркало: один к одному!

А гример спокойно так:

— Думаю, больше ничего не надо делать.

Я говорю:

— Братцы! Да что ж это такое? Я ведь хотел отмотаться! Куда же теперь?

И они провели опыт. Сфотографировали меня, и гример ходил с двумя фотографиями — моей и Толстого — и всех спрашивал:

— На одной фотографии не Толстой. Где не Толстой?

И все тыкали пальцем в фотографию Толстого. Хотя бы кто-нибудь ткнул в меня! Оказалось, я чуть-чуть «толстее» Толстого.

Ну, деваться было некуда, и повезли меня сниматься в Ясную Поляну. И по дороге произошла история.

Я, конечно, при бороде. И Питер со мной. А ехали мы на «чайке», списанной машине начальства. На той самой, которую у нас прозвали «членовоз». А выехали мы ра-а-ано! И тут посреди дороги жутко жрать захотелось. Смотрю — слева сельмаг, справа — пост ГАИ. И я говорю водителю:

— Притормози.

Он притормозил, а на посту — милиционер. Он как увидел... Конечно, подумал, что какую-то правительственную машину пропускают, а его не предупредили. И он ссыпается по лесенке и несется к нам. А я забыл, что я — Лев Николаевич-то... Открываю дверцу и вылезая.

Господи, что тут с бедным милиционером случилось! У него лицо судорогой свело, вот клянусь! И слова не может сказать, только: — Ва!.. Э!.. — и отмахивается, как от пчел.

А я решил подыграть и говорю:

— Подожди, милейший, граф есть хочет. В сельмаге есть что-нибудь?

Он трясется, как осиновый лист, и ртом воздух хватает.

— Нет!.. То есть, да!

И как дунул через дорожку! Питер трясется от смеха, а я ему говорю:

— Ты молчи! Ты мой слуга из Англии.

А в сельмаге действительно и «нет» и «да»: одни сушки. И на том спасибо, моему «слуге» понравились. Потом мне рассказывали, что когда Питер улетал в Англию, он увез с собой целый чемодан этих сушек.

Между прочим, министерству внешней торговли следовало бы задуматься над этим фактом. Не умеем мы торговать!

В общем, приехали мы в Ясную Поляну и все, что нужно было, отняли...

Возвращаемся в Москву. Глядим — на том самом месте, у поста, пять милиционеров стоят.

— Питер, — говорю, — это нас ждут.

Притормаживаем, я вылезая из машины, и гаишники начинают хохотать.

— Дуров, — говорят, — твой — на бюллетене!

— Кто это? — спрашиваю.

— Угренный. Он пришел к начальству и говорит: «С ума сошли! Толстой без охраны едет! А вы — ничего. Не приняли никаких мер!» Начальник спрашивает: «Вася, какой Толстой?» А он: «Писатель! Знать надо!» Начальник говорит: «Спокойно, Вася, сними портупею и сдай оружие...» Разоружили его на всякий случай, позвонили домой и сказали: «Клава, твой — плохой, едет домой, вызывай врача». Выяснилось, что у него был нервный шок. Дали бюллетень на десять дней.

Из книги Льва Дурова «Озорная мозаика, или Грешные записки-2», подготовленной к печати издательством «Алгоритм». С сокращениями. Заголовки даны редакцией.

Лев Дуров в роли Льва Толстого